

Н. В. Гоголь

*Размышления
о Божественной
литургии*

Современная редакция
протоиерея Николая Булгакова

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2)
Г58

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-010-0285

Гоголь Н.В.
Г58 Размышления о Божественной литургии: современная редакция / Подготовка текста, примечания протоиерея Николая Булгакова. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020. — 272 с.

Новая реконструкция незаконченной книги Н.В. Гоголя, сверенная с черновыми авторскими вариантами и литургическими текстами. В примечаниях подробно излагается ход работы над нынешним изданием.

ISBN 978-5-88017-859-9

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020
© Протоиерей Николай Булгаков, подготовка текста, примечания, 2020

Предисловие

Цель этой книги — показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением. Из множества объяснений, сделанных святыми Отцами и Учителями, выбраны здесь только те, которые доступны всем своею простотою и которые служат преимущественно к тому, чтобы понять необходимый и правильный исход одного действия из другого*. Намеренье

* Всяк, кто бы захотел узнать более таинственные и глубокие объяснения, может найти их в сочинениях Патриарха Германа, Иеремии, Николая Кавасилы, Симеона Солунского, в Старой и Новой Скрижали, в объяснениях Дмитревского и проч. (*Примеч. Н. В. Гоголя.*)

издающего эту книгу состоит в том, чтобы утвердился в голове читателя порядок всего. Он уверен, что всякому, со вниманием следующему за Литургиею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значение ее раскрываться будет само собою.

Вступление

Божественная литургия есть вечное повторение великого подвига Любви, для нас совершившегося. Скорбя от нестройных своих, человечество отовсюду, со всех концов мира взывало к Творцу своему. И пребывавшие во тьме язычества и лишённые боговедения слышали, что порядок и стройность могут быть водворены в мир только Тем, Который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным. Тоскующая тварь звала своего Творца. Безси́льная читать великий язык не только еже-

дневно совершающихся событий в мире Божиим, но даже разобрав и малейшую букву, требующую вековых усилий, выжидала она вразумленья из уст Самого Творца. Воплями взывало всё к Виновнику своего бытия, и вопли эти слышной слышались в устах избранных и пророков. Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающийся в созданных, предстанет Сам лицом к людям, — предстанет не иначе, как в образе создания Своего, созданного по Его образу и подобию. Вочеловечение Бога на земле представлялось всем по мере того, как сколько-нибудь очищались понятия о Божестве. Но нигде так ясно не говорилось об этом, как у пророков богоизбранного народа. И самое чистое воплощение Его от Чистой Девы было предсказываемо даже и язычниками; но нигде в такой

ощутительно видной ясности, как у пророков.

Вопли слышались: явился в мир, *Имже мир бысть*. Среди нас явился в образе человека, как предчувствовали, как предсказывали и в темноте язычества, но не в том только, в каком представляли Его неочищенные понятия, — не в гордом блеске и величии, не как каратель преступлений, не как судья, приходящий истребить одних и наградить других. Нет, слышалось кроткое лобзание брата. Совершилось Его появление образом, только одному Богу свойственным, как прообразовали его божественно пророки, получившие повеление от Бога...

Прескотидия

Священник, которому предстоит совершать Литургию, должен еще с вечера трезвиться телом и духом, должен быть примирен со всеми, должен опасаться питать какое-нибудь неудовольствие на кого бы то ни было и с вечера должен уже, прочитав положенные молитвы, пребывать мыслью во святине того, что предстоит ему на утре, чтобы и самая мысль его заблаговременно освятилась и облагоухалась. Когда же наступит время, идет он в церковь. Вместе с диаконом поклоняются они оба пред Царскими вратами,

целуют образ Спасителя, целуют образ Богородицы, поклоняются всем предстоящим направо и налево, испрашивая сим поклоном себе прощения у всех, и входят в алтарь, произнося в себе псалом: *Вни́ду в дом Твой, поклоню́ся ко храму святому Твоему в стра́се Твоем...* И, приступив к престолу (лицом к востоку), повергают пред ним три наземных поклона и целуют на нем пребывающее Евангелие, как бы Самого Господа, сидящего на престоле; целуют потом и самую трапéзу и приступают к облачению себя в священные одежды, чтобы отделиться не только от других людей — и от самих себя, ничего не помнить в себе похожего на человека, занимающегося ежедневными житейскими делами, и чтобы напомнить с тем вместе о всей великости предстоящего служения. Посему и самое облачение

исполнено смысла, напоминая ту ветхозаветную одежду, которую устами пророка Моисея Сам *Вѣтхий дѣньми* установил в Церкви, когда повелел Аарону представлять великолепно пред страшный престол Его: *да не умрет!*

От времен апостольских уже употреблялась при богослужении эта отличная от других одежда. Хотя и не могла гонимая Церковь придать ей всего нынешнего великолепия, но строго предписывалось уже издавна, чтобы пресвитер не являлся на служенье в своей повседневной одежде и чтобы никто из клира не смел выйти на улицу в той одежде, которую имел на себе во время служения. Облекая себя в сии сияющие облачения, которые облачают его тело, служитель Церкви вместе должен облекаться в высшие сияющие доблести душевные. Посему

всякое воздевание сопровождается он словами, выбранными из псалмов, в которых раскрывается глубокое значение воздеваний, дабы не отлучилась его мысль куда-нибудь в сторону, занятая таким обыкновенным делом, каково одевание, но настроилась бы и самим сим одеванием к высокому служению.

И священник, и диакон, принимая в руки одежды свои, творят каждый по три поклона к востоку, произнося в себе: *Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя.* Держа в руках стихарь с орарём, диакон просит иерея, да благословит то и другое. Получив благословение, отходит в сторону и облачается так: сначала надевает стихарь, то же, что у священника подризник, который есть почти то же, что тресновитая риза у ветхозаветных священников. Подризник

всегда бывает светлого, блистающего цвета, во знаменованье светоносной ангельской одежды и в напоминанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна с саном священства, почему и произносит при воздевании его: *Возра́дуется душа моя о Господе, облечё бо мя в ризу спасения, и оде́ждею весéлия одéя мя, яко жениху возложí ми венéц, и яко невесту украсí мя красотóю.* Затем берет, поцеловав, ора́рь, узкое длинное лентие, принадлежность диаконского звания, которым подает он знак к начинанью всякого действия церковного, воздвигая народ к молению, певцов к пению, священника к священнодействию, себя к ангельской быстроте и готовности во служении. Ибо званье диакона — что званье ангела на небесах, и самым сим на него воздетым тонким лентием, разве-

вающимся как бы в подобие воздушного крыла, и быстрым хождением своим по церкви изображает он, по слову Златоуста, ангельское летание. Лентие это, поцеловав, он набрасывает себе на плечо. Потом надевает он по́ручи, или нарукавницы, которые стягиваются у самой кисти его руки для сообщенья им большей свободы и ловкости в отправлении предстоящих священнодействий. Надевая их, помышляет о всетворящей, содействующей повсюду силе Божией и, воздея на правую, произносит он: *Десни́ца Твоя, Господи, прослáвися в крепости, десна́я Твоя рука, Господи, сокруши́ враги́, и множеством славы Твоея́ стерл еси́ супоста́ты.* Воздея на левую руку, помышляет о самом себе как о творении рук Божиих и молит у Него же, его же Сотворившего, да руководит его верховным, свышним Своим руководством,

говоря так: *Руце Твои сотвори́сте мя и созда́сте мя; вразуми́ мя, и научуся за́поведем Твоим.*

Священник облачается таким образом. Вначале благословляет и надевает стихарь, сопровождая сие теми же словами, какими сопровождал и диакон, но вслед за стихарем надевает уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрыв оба плеча и обняв шею, соединяется обоими концами на груди его вместе и сходит в соединенном виде до самого низу его одежды, знаменуя сим соединение в его должности двух должностей — иерейской и диаконской. И называется он уже не орарём, но епитрахилью, и самым воздеваньем своим знаменует изливание благодати свыше на священников, почему и сопровождается это величественными словами Писания: *Благословен Бог,*

изливая́я благодать Свою на священники Своя, яко миро на главе, сходящее на браду́, браду Ааро́ню, сходящее на о́меты оде́жды его. Затем надевает поручи на обе руки свои, сопровождая теми же словами, как и диакон, и препоясует себя поясом сверх подризника и епитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды в отправлении священнодействий и дабы сим препоясанием выразить готовность свою, ибо препоясуеться человек, готовясь в дорогу, приступая к делу и подвигу: препоясуеться и священник, собираясь в дорогу небесного служения, и взирает на пояс свой как на крепость силы Божией, его укрепляющей, почему и произносит: *Благословен Бог, препоясу́яй мя силою, и положи́ непоро́чен путь мой, соверша́яй но́зе мои́ яко елени, и на высо́ких поставля́яй мя, то есть в дому Господнем.* Если же он

облечен при этом званием высшим иерейства, то привешивает к бедру своему четверугольный набедренник, который знаменует духовный меч, всепобеждающую силу слова Божия, в возвешение вечного ратоборства, предстоящего в мире человеку, — ту победу над смертью, которую одержал в виду всего мира Христос, да ратоборствует бодро бессмертный дух человека противу тления своего. Потому и вид имеет сильного оружия брани сей набедренник; привешивается на поясе у чресла, где сила у человека, потому и сопровождается воззванием к Самому Господу: *Препо́яши мечъ Твой по бедре́ Твоей, Си́льне, красотóю Твоею и добрóтою Твоею, и наляцý, и успева́й, и ца́рствуй, истины ради и кротости и правды, и наста́вит Тя дѣ́вно десни́ца Твоя...* Наконец надевает иерей фелонь, верхнюю

всепокрывающую одежду, в знаменованье всепокрывающей верховной правды Божией, и сопровождает сими словами: *Священницы Твои, Господи, облеку́тся в правду, и преподобнии Твои радостно возрадуются, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.* И, одетый таким образом в орудия Божии, священник предстоит уже иным человеком. Каков он ни есть сам по себе, как бы ни мало был достоин своего звания, но глядят на него все стоящие во храме как на орудие Божие, которым наляца́ет Дух Святы́й. Как священник, так и диакон омывают оба руки, сопровождая чтеньем псалма: *Умью́ в невинныхъ ру́це мои и обы́ду жѣртвенник Твой, Господи...* Повергая по три поклона в сопровождении слов: *Боже, очисти́ мя грешнаго и помилуй́ мя,* восстают омытые, усветленные, подобно сияющей одежде

своей, ничего не напоминая в себе подобного другим людям, но подобая скорее сияющим видениям, чем людям.

Диакон напоминает о начале священнодействия словами: *Благослови, владыко*. И священник начинает словами: *Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков*, и приступает к боковому жертвеннику. Вся эта часть служения состоит в приготовлении нужного к служению, то есть в отделении от приношений, или хлебов-просфор, того хлеба, который должен вначале прообразовать Тело Христово, а потом пресуществиться в него. Боковой жертвенник сей у левой стены алтаря, называемый иначе предложением, потому что на нем предлагаются хлебы, образует ту боковую храмину в первоначальной церкви, куда слагалось всё приносимое хри-

стианами для священнодействия и для всеобщей трапезы.

Так как вся проскомидия есть не что иное, как только приготовление к самой Литургии, то и соединила с нею Церковь воспоминание о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьем к Его подвигам в мире. Она совершается вся в алтаре при затворенных дверях, при задернутой завесе, незримо от народа, как и вся первоначальная жизнь Христа протекла незримо от народа. Для молящихся же читаются в это время *часы* — собрание псалмов и молитв, которые читались христианами в четыре важные для христиан времени дня. Час первый, когда начиналось для христиан утро; час третий, когда было сошествие Духа Святаго; час шестой, когда Спаситель мира пригвожден был ко Кресту; час девятый, когда Он испустил дух Свой.

Так как нынешнему христианину, по недостатку времени и безпрестанным развлеченьям, не бывает возможно совершать эти моления в означенные часы, для того они соединяются с основными службами.

Приступив к боковому жертвеннику, или предложению, иерей берет одну из просфор, с тем чтобы изъять ту часть, которая станет потом Телом Христовым — средину с печатью, ознаменованной именем Иисуса Христа. Так он сим изъятьем хлеба от хлеба знаменует изъятье плоти Христа от плоти Девы — рождение Безплотного во плоти. И, помышляя, что рождается Принесший в жертву Себя за весь мир, соединяет неминуемо мысль о самой жертве и принесении и смотрит на хлеб как на агнца, приносимого в жертву, на нож, которым должен изъять, как на жертвенный, который имеет вид копья

в напоминание копья, которым было прободено на Кресте Тело Спасителя. Не сопровождает он теперь своего действия ни словами Спасителя, ни словами свидетелей, современных случившемуся, не переносит себя в минувшее — в то время, когда совершилось сие принесение в жертву: то предстоит впереди, в последней части Литургии; и к сему предстоящему он обращается издали прозревающею мыслию, почему и сопровождает всё священнодействие словами пророка Исаии, издали, из тьмы веков прозревавшего будущее чудное рождение, жертвоприношение и смерть и возвестившего о том с ясностью непостижимою. И как люди, о которых сказано: «во тьме увидят свет», смотрит он на Свет, впереди идущий; и, как глядел Исаия орлиным пророческим прозреньем из своего

настоящего в будущее, так из сей проскомидии глядит он пророчески на предстоящее впереди священнодействие и как бы соединяется тесно и дружно с пророком, произнося слова его. Водружая копьё в правую сторону печати, произносит слова Исаии: *Яко овца на заколение ведётся*; водрузив копьё потом в левую сторону, произносит: *И яко агнец непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст Своих*; водружая потом копьё в верхнюю сторону печати: *Во смиренни Его суд Его взятыя*. Водрузив потом в нижнюю, произносит слова пророка, задумавшегося над дивным происхождением осужденного Агнца: *Род же Его кто исповестъ?* И приподъемлет потом копьём вырезанную средина хлеба, произнося: *Яко взёмлетя от земли живёт Его*. И, обратив потом хлеб печатью вниз, а вынутой

частью вверх, в подобье агнца, приносимого в жертву, надрезывает крестовидно, во знамение крестной смерти Его, на нем знак жертвоприношенья, по которому он потом раздробится во время предстоящего священнодействия, произнося: *Жрется Агнец Божий, взёмляй грех мiра, за мiрскiй живёт и спасение*. И, обернув печатью вверх, водружает копьё в правый бок, напоминая, вместе с заколением жертвы, прободение ребра Спасителя, совершенное копьём стоявшего у Креста воина, и произносит: *Един от воин копiём ребра Его прободё, и абие изыде кровь и вода; и видевый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его*. И слова сии служат вместе с тем знаком диакону ко влитою в Святую Чашу вина и воды. Диакон, доселе взиравший благоговейно на всё совершаемое иереем, то напоминая

Н. В. Гоголь
РАЗМЫШЛЕНИЯ
О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

Подготовка текста и примечаний
протоиерея Николая Булгакова

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *О. Темнова*
Корректор *Г. Абудеева*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Верстка и макет
Е. Белогорцевой, В. Ермак

Содержание

Предисловие.	3
Вступление	5
Проскомидия	8
Литургия оглашенных	37
Литургия верных	69
Заключение	148
Примечания	153
<i>Епископ Парфений (Левицкий).</i>	
Писатель-христианин	261

Подписано в печать 07.07.2020.
Формат 70×90/32. Тираж 1 000 экз.
Заказ № .

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18.
Оптовый отдел реализации: +7 (499) 246-52-08;
+7 (495) 181-92-92 доб. 22-70, 22-50, 23-37.
Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35.
E-mail: books@rop.ru. <http://www.rop.ru>